

Из истории науки

ЭВОЛЮЦИЯ ДРЕВНИХ КОСМОГОНИЙ: ОПЫТ АНАЛИЗА РАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ТРАНСФЕРЕНЦИИ КОСМОГОНИЧЕСКИХ МИФОВ МЕСОПОТАМИИ, ЕГИПТА И ГРЕЦИИ – II*

И.И. Литовка

Работа посвящена поиску и исследованию рациональных оснований в содержании древних космогонических мифов Месопотамии, Египта и Греции с целью проследить взаимосвязи представлений о происхождении мира и их изменения в сравнении со взглядами первых представителей античной натурфилософии (досократиков). Анализ осуществляется при помощи метода семантической унификации основных понятий в духе более рациональной греческой философии природы, что дает возможность выявить содержательную структуру знания, обнаружить и сравнить признаки транскультурной эволюции древних космогоний.

Ключевые слова: космогония, мифология, натурфилософия, Месопотамия, Египет, Греция, рациональное содержание

Греция

Древняя Греция – не просто период в истории современной Греции. Это было уникальное территориальное и этническое образование, имевшее общие культурные корни и существовавшее как минимум с III тыс. до н.э. и до II в. до н.э. Территория, которую занимала Древняя Греция, была намного обширнее той, что очерчена ее нынешними границами. В разные периоды эллины населяли Крым, Кавказ, земли современной Турции, западное побережье Средиземноморья, многие области Италии, Сицилию и большую часть островов Средиземного моря. Упоминая о Древней Греции, мы обычно подразумеваем изменчивую совокупность городов-государств, существовавших на этих землях во II–I тыс. до н.э.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом научного проекта № 13-23-01015.

Эллада – так называли греки свою страну, которая почти никогда не являлась единым государством, но на протяжении десятков веков объединяла культурно-этническими связями народы, ее населявшие.

Космогоническая мифология эллинов достаточно многообразна, но при всем этом многообразии содержит гораздо больше признаков этнической однородности. Так, имена греческих богов в различных разновременных вариантах космогоний, как правило, не изменяются и не дублируются, как и сферы их «патронажной ответственности». Например, в Месопотамии в силу этнических различий имя верховного бога (как и прочих богов) постоянно изменялось, подвергаясь многократным отождествлениям: Энлиль – Мардук – Ашшур – Шамаш, – при сохранении ритуальной актуальности всех имен. По этой же причине менялись границы сфер влияния богов. В Египте при относительной этнической общности подобные изменения происходили в зависимости от исторического периода и политического господства того или иного нома. Вероятно, оригинальные космогонические каноны отдельных областей Египта были уже сформированы к моменту государственного объединения и впоследствии подвергались взаимной ассимиляции. Отсюда многократные сложные отождествления, слияния имен, статусная неоднозначность богов. В значительно меньшей мере это свойственно греческой мифологии. При всех сюжетных разночтениях, притом несущественных, имена и сферы влияния богов в целом остаются неизменными для всех этнических групп эллинов на протяжении истории существования мифов.

Другая оригинальная деталь греческих космогоний состоит в том, что версии мифов появляются не по причине этнической или временной разрозненности, а из-за различных авторских трактовок. Патриархальная греческая космогония имеет своих многочисленных и почитаемых авторов. Наибольшую популярность у эллинов завоевали Гесиод и Гомер. Основой для персонального мифотворчества служил сюжет архаических народных представлений о сотворении мира. У Гомера информация о сотворении мира разбросана в текстах «Илиады» и «Одиссеи» по крупным фрагментам. «Геогония» Гесиода, сохранившаяся в крупных отрывках, целиком посвящена истории сотворения мира, но изложение трудно назвать последовательным. В общих чертах пересказ «Геогонии» Гесиода, дополненный компилированными сведениями о мифотворчестве греков из различных источников, приведен ниже [1].

Сначала был бесформенный и беспредельный Хаос. Затем сама собой являются Гея-земля, уже содержащая в своих глубинах темный Тартар (темница для богов), и сила влечения Эрос. Именно Эрос становится

активным началом, приводящим в движение первичные стихии. Независимо друг от друга Хаос и Земля рождают первые поколения природных явлений.

Хаос порождает Нюкту (ночь) и Эреба (мрак). Эта пара производит Танатоса (смерть), Гипноса (сон), Гераса (старость), Эриду (раздор), Керу (смертельное насилие), Мора (рок и насилие), Немесиду (месть), Апату (обман), Онира (вещие и лживые сновидения), Мома (насмешка), Харона (проводник Аида), Мойр (судьба) и т.д. Нюкта и Эреб не ограничились воспроизводством темных сторон бытия и воспроизвели все же нечто светлое: Эфир (воздух, верхние слои атмосферы, отец ветров) и Гемеру (день).

Гея-земля, также оплодотворенная Эросом, рождает Урана-небо, Понта-море, горы и горных нимф. По другим версиям, Гея родила Урана от союза с Хаосом, а море и горы – уже от союза с Ураном. Уран, покрывающий Гею, становится ее мужем, и эта пара рождает первое поколение богов-титанов: шесть сыновей – Океана (источник мировых вод), Кея (небесная ось вращения), Криоса (холод), Гипериона (движение небесных светил), Япета (темперамент?), Кроноса (время, земледелие) и шесть дочерей – Тейю (небесные светила ночи), Тефиду (плодовитость воды), Рею (материнство), Фемиду (порядок, закон), Мнемозину (память), Фебу (свечение). Они составили шесть супружеских пар: Океан – Тефида, Кей – Феба, Криос – Мнемозина, Гиперион – Тейя, Япет – Фемида, Кронос – Рея. Далее Гея и Уран породили трех циклопов (одноглазые великаны) и трех гекатонхейров (сторукие пятидесятиголовые великаны), не имевших пар.

Титаны произвели следующее поколение богов. Океан и Тефида дали миру три тысячи дочерей – океанид (реки) и столько же сыновей – речных потоков, Кей и Феба – Лето (забвение) и Астерию (звезда), Гиперион и Тейя – Гелиоса (солнце), Селену (луна), Эос (утренняя заря), Кронос и Рея – Гестию (огонь жертвенный и семейный очаг), Деметру (плодородие земли), Геру (материнство и брак), Аида (подземный мир мертвых), Посейдона (моря) и Зевса (небесный огонь, гром и молнии).

С парами Япет – Фемида и Криос – Мнемозина все очень неоднозначно. Титан Япет, по логике, должен быть мужем Фемиды, но Гесиод сделал его женой океаниду Климену, которая родила ему сыновей Атланта, Менетия, Прометея и Эпиметея. Криоса и Мнемозину он тоже разлучил, сделав Криоса супругом дочери Понта Еврибии, родившей Астрея, Перса и Палланта. Мнемозина у Гесиода – одна из многочисленных пассий Зевса, родившая от него всех муз: Евтерпу, Клио, Талию,

Мельпомену, Терпсихору, Эрато, Полигимнию, Уранию, Каллиопу [2]. Фемида также от союза с Зевсом родила четыре оры (времена года), Эвномиию (благозаконие), Дике (справедливость), Эйрену (мир) и Немесиду (возмездие).

При всей пуганице не они оказались главными героями дальнейших событий, а самый младший титан – Кронос. Желая получить власть над старшими братьями и отцом, Кронос вступил в сговор с матерью Геей. Гея втайне ненавидела своего мужа Урана за то, что он низверг в Тартар их сыновей – сторуких гигантов и заточил там, опутав цепями. Осуществляя свой план мести, Гея выплавил в своих недрах острый серп и дала его Кроносу, с тем чтобы он оскопил отца. Кронос в точности выполнил план матери и таким образом захватил верховную власть. Опасаясь предсказания о свержении собственными детьми, Кронос проглатывал каждого очередного младенца Реи. самого младшего, Зевса, Рея по совету матери Геи спрятала в недрах глубокой пещеры, дав Кроносу на съедение камень в пеленах. Скрытый от отца Зевс вырос, возмужал и, по одной версии, силой, по другой – обманом заставил Кроноса извергнуть своих братьев и сестер из чрева. Видимо, в чреве отца Гестия, Деметра, Гера, Аид и Посейдон также успели подрасти, так как тут же принялись делить власть отца методом жребия.

Кронос, узнав, что его обманули, созвал титанов, и между ними и его детьми началась война – первая божественная, Титаномехия. Военный штаб титанов расположился на горе Оффрис, армия Зевса разместилась на Олимпе. К тому времени боги-олимпийцы уже успели обзавестись многочисленным потомством, пополнившим ряды сопротивления Кроносу и титанам. Сражение длилось около десяти лет в паритетном противостоянии, но тут вновь вмешалась Гея. Она посоветовала Зевсу освободить из заточения в Тартаре сторуких великанов – гекатонхейров и призвать на свою сторону циклопов. Освобожденные великаны решили исход войны в пользу олимпийцев. Сторукие гекатонхейры вырывали из земли огромные куски скал, обрушивая их на титанов, а циклопы ковали для Зевса огненные молнии. На стороне Зевса выступили и некоторые титаны: Океан прислал на Олимп старшую океаниду Стикс с ее детьми Никой (победа), Кратосом (власть) и Бией (мощь), сын Япета Прометей присоединился к Зевсу, выступив против своего отца. Зевс и олимпийцы одержали победу, а поверженные титаны были заключены в Тартар под охраной гекатонхейров.

Так завершилась первая божественная война, за которой последовала вторая – Гигантомехия. Гея из союзницы олимпийцев вдруг пре-

вратилась в их главного врага. Мстят им за свержение титанов, она создала в своих недрах чудовищных гигантов из капель крови Урана, которые впитала, когда Кронос по ее наущению оскопил отца. Для олимпийских богов подобный поворот истории оказался неожиданностью. Вдруг Гея разверзлась, и из возникших разломов к небу стали подниматься ядовитые испарения. Гелиос затянуло этим дымом, стало темно, земля зашевелилась, и из тумана, из недр Геи стали появляться страшные змееногие гиганты. Метод ведения военных действий со времен первой божественной войны не изменился. Гиганты метали в небо и богов скалы и горящие деревья, олимпийцы им отвечали примерно тем же. Например, Афина обрушила на одного из гигантов камень, ставший островом Сицилия. Мобилизованный на войну Геракл помог Зевсу одержать победу.

Победив гигантов, боги столкнулись с новым проявлением коварства Геи. В союзе с Тартаром она родила самое сокрушительное свое оружие – Тифона. Он превосходил всех гигантов и ростом, и силой, имел сто голов драконов с чёрными языками и огненными глазами. Его рев был оглушителен. Голова Тифона касалась звезд, руки простирались от восхода до заката. Ноги представляли собой огромных извивающихся кольцами змей, тело покрывали перья. Тифон имел собственные амбиции на верховную власть, а потому сам Зевс вступил с ним в поединок. От этой битвы земля содрогалась и возгоралась, закипали от жара реки и моря. В первом сражении Тифон победил и заточил Зевса в пещеру. Освободившись, Зевс решил прибегнуть к хитрости. В этом ему помогли мойры, которые опоили Тифона соком ядовитого растения. Тифон потерял сознание, и Зевс, предварительно забросав молниями, завалил его горой Этной. С тех пор вулкан всегда отличался строптивым характером.

После этих войн в мире наступило относительное космическое равновесие. Боги посвятили себя проблемам личной жизни и делам семейным.

Люди в этой многосложной космогонии занимают, пожалуй, самое последнее место, и не совсем понятно, входило ли в планы сотворения мира создание человека. Гесиод в «Теогонии» не упоминает момент сотворения людей, излагая лишь историю сотворения первой женщины в наказание людям за то, что они приняли от Прометея божественный огонь. По приказу Зевса Гефест и Афина создали первую женщину из земли и воды и отправили ее к людям [3]. Ужасы, постигшие человечество с появлением столь «гнусного» создания, Гесиод описывает долго и подробно, однако ничего не говорит о том, каким образом человечест-

во возникло и размножалось до появления первой женщины. В «Трудах и днях» он упоминает разные поколения людей как «века»: золотой, серебряный, медный, героический и железный. Первые люди золотого века были сотворены еще при Кроносе. Когда Зевс сотворил первую женщину Пандору – непонятно. Ясно лишь, что в золотом веке ее еще не было, а в героическом уже было достаточно женщин [4].

Есть и много других версий сотворения людей, где главную роль чаще всего играет Прометей. Например: «Прометей по велению Зевса вылепил из глины людей и животных. Но увидел Зевс, что неразумных животных получилось гораздо больше, и велел ему часть животных уничтожить и перелепить в людей. Тот повиновался; но получилось так, что люди, переделанные из животных, получили облик человеческий, но душу под ним сохранили звериную» [5].

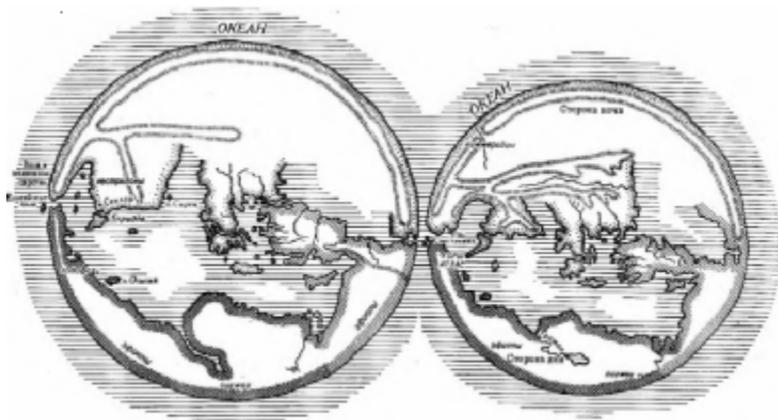
Прометей, как известно, против воли Зевса опекал человечество и, вероятно, был единственным искренним другом людей среди богов. Если же мы будем опираться на творчество Гомера, то окажется, что у людей и вовсе не было заботливых друзей в божественном пантеоне. Так, А.Ф. Лосев вполне справедливо отмечает: «Можно обратить внимание на тот, на первый взгляд странный, факт, что у Гомера нет никакого упоминания о Прометее» [6]. Зевс по отношению к людям в большинстве мифов настроен довольно агрессивно, а другие боги – в лучшем случае пренебрежительно и равнодушно. Для греческих богов человечество – как бы неприятная случайность или вынужденная необходимость, но в то же время они питаются жертвенным дымом и в какой-то степени нуждаются в людях. Со стороны людей тоже не наблюдается особого почтения: они соперничают с богами, ссорятся, торгуются, препираются, обманывают их, флиртуют с ними и вступают в интимные отношения. Боги без конца плетут интриги в своем кругу, вовлекая в них людей, и люди отвечают им тем же. Нет взаимоуважения, но есть соперничество между приоритетом богов и непримиримостью людей.

Как же выглядел окончательно сотворенный мир? У Гомера картина мира в представлении древних греков примерно такая. Земля – это плоский диск, плавающий в водах океана (см. рисунок). Она неоднородна и разделена реками и морями. Центральное место на земле занимает гора Олимп – жилище богов. Океан – как огромная река, опоясывающая землю, из которой происходят все моря и реки мира. Есть некое указание на подземный океан, соединенный с земным. В океан заходят и из него выходят Солнце, Луна и все звезды.

Небо имеет форму полусферы, покрывающей землю вместе с океаном, как крышка. Небосвод сделан из меди или из железа, и к нему непосредственно примыкает эфир. Небесные тела, которые олицетворяют боги, перемещаются в эфире вдоль внутренней стороны металлического купола небосвода. «У Гомера, – отмечает А.Ф. Лосев, – представление об эфире – самое общее и неопределенное. Оно сводится к фиксации некоей неопределенной высоты, мало отличимой от неба вообще» [7]. Вероятно, под эфиром можно предположить средние и верхние горные слои атмосферы, где плывут облака и обитают боги, по представлению Гомера.

Нижний мир имеет два уровня: Аид – подземный мир мертвых, предназначенный исключительно для людей, и Тартар – самый нижний уровень, мир вечной тьмы, огромные глубочайшие недра земли, наполненные зловонными испарениями. Вход в подземные царства находится в крайней западной оконечности мира. Умершие, попадая в Аид, «оказываются на безрадостных Асфоделевых лугах, где души героев бесцельно бродят среди бесчисленных толп менее знаменитых мертвых, издающих писк, словно мыши, и только у Ориона есть еще желание охотиться на оленя-призрака. Любой из умерших предпочел бы участи правителя всего Аида участь раба, безземельного крестьянина» [8]. Тартар является темницей только для бессмертных богов и первородных чудовищ. Гомер, описывая глубину Тартара, указывает, что если бросить туда с земли медную наковальню, то она будет лететь девять дней и ночей. А.Ф. Лосев выдвинул следующее предположение об устройстве подземного мира Гомера: «Поскольку вся античность неизменно тяготела к закругленным формам, вполне естественно предположить, что снизу, под землей, проходит другое полушарие, симметричное верхнему полушарию, или небу. И так как небо, вообще говоря, есть место жительства богов, то верхнее небо есть место светлых олимпийских богов, а нижнее – место низвергнутых и потому темных богов. Нижнее небо и есть Тартар» [9].

Древнегреческую космогонию, несмотря на обилие источников, сложнее реконструировать в сравнении с месопотамской и египетской архитектурониками сотворения мира. Она представляется более противоречивой в силу своей диалектической природы. Уже в самом начале мы сталкиваемся с тем, что Хаос в первую очередь породил ночь и мрак. Вполне естественно выглядят следующие порождения этих двух темных начал: смерть, сон, старость, раздор, насилие, рок, месть, обман, насмешка и т.д. Но затем именно ночь и мрак становятся родителями дня и атмосферы, которые являют собой противоположные им светлые начала.

Представления о Земле у Гомера (слева) и Гесиода (справа)
Реконструкция Р. Карпентера [10]

Учитывая эту диалектическую нагруженность, попытаемся выделить основные признаки древнегреческой космогонии.

Древнегреческую космогонию, несмотря на обилие источников, сложнее реконструировать в сравнении с месопотамской и египетской архитектурными сотворения мира. Она представляется более противоречивой в силу своей диалектической природы. Уже в самом начале мы сталкиваемся с тем, что Хаос в первую очередь породил ночь и мрак. Вполне естественно выглядят следующие порождения этих двух темных начал: смерть, сон, старость, раздор, насилие, рок, месть, обман, насмешка и т.д. Но затем именно ночь и мрак становятся родителями дня и атмосферы, которые являются собой противоположные им светлые начала. Учитывая эту диалектическую нагруженность, попытаемся выделить основные признаки древнегреческой космогонии.

1. Из Хаоса возникли Земля и Эрос. Первичный активный элемент творения мира – Эрос, активировавший Хаос и Землю. Они производят и остальные элементы мироздания. Земля рождает воду, огонь и на всех последующих этапах творения продолжает играть самую активную роль, постоянно сталкиваясь в борьбе свои творения и порождая новые для противостояния. Огонь и вода также являются активными творческими началами, но верх одерживает огонь. Вода плодovitа, но медлительна.

Огонь агрессивен и неразборчив. Необычно то, что и Хаос тоже участвует в перворождениях. Благодаря ему из союза ночи и кромешного мрака в конечном счете рождаются свет и воздух (эфир – отец ветров).

2. Создание вселенной сопровождалось специфическими формами насилия. Земля является основным источником этого насилия и жертвой насильственного ее преобразования вселенной как в процессе творения, так и по его окончании. Постоянно сталкивая в противоборстве своих детей, Земля (Гея) провоцирует божественные войны, претерпевая разрушительные трансформации вследствие собственных провокаций.

3. При господстве мужского начала оба, мужское и женское, являются активными, пребывая в постоянном диалектическом противоборстве. Используя преимущество грубой силы, мужская природа доминирует, не одерживая, однако, полной победы. Единение и противостояние мужского и женского начал – процесс перманентный и является главной созидательной основой творения.

4. Греческие боги проявляют по отношению к людям смешанные чувства, но преимущественно они связаны с равнодушием или агрессией. Человечество – поле игры для богов, где ради забавы они могут уничтожать государства. Боги (явления природы) манипулируют людьми, вовлекая их в свои интриги, а помощь богов, как правило, связана с реализацией их корыстных интересов. Боги не являются этическим эталоном для людей и не вызывают у них ни почтения, ни особого страха.

5. Проявление божественной природы в людях неоднородно. Вероятно, изначально божественная и человеческая сущности были различны, но многочисленные кровосмесительные союзы, от которых рождались смертные полубоги, приводили к распространению божественной природы среди людей. Мир богов и мир людей слиты воедино и в то же время разграничены. Существовая в едином с людьми пространстве и даже участвуя в их делах, боги остаются равнодушны к их нуждам, охраняя свой божественный мир от несанкционированного вторжения человека. Люди не доверяют богам и, внешне признавая установленные границы божественного мира, постоянно их нарушают. Антропоморфность младших олимпийских богов нельзя считать полной условностью, но они в отличие от человека имеют широкий диапазон воплощений.

6. Причина сотворения мира и людей не имеет целевого обоснования. Приведение хаоса к состоянию порядка не является целью.

7. Перводвигателем активации протоматерии является Эрос. Бесполое начало, существовавшее прежде всех других начал «извечно»,

стало первотолчком к трансформации пассивной однородной материи в активное соединение мужской и женской природы, размножающейся, совершенствующейся и сражающейся.

8. Первые поколения богов были промежуточным звеном в плане создания и совершенствования богов-олимпийцев. В отличие от месопотамской космогонии, где старшие боги уступили власть без боя (были войны с хаосом и его проявлениями), у греков «эволюционное» формирование господствующего поколения богов происходило в условиях исключительно жестокой борьбы за власть очередного поколения богов с их предшественниками.

9. Как и в космогонии народов Месопотамии, чудовищные монстры, противостоявшие пантеону греческих богов-олимпийцев, имеют многочисленные признаки гигантских рептилий. Отличие состоит в том, что, по поверьям жителей Междуречья, их породила водная стихия хаоса, а для греков их матерью была активная божественная сущность – Земля.

Содержание космогонических мифов Древней Греции, в сравнении с мифами месопотамскими и египетскими, дает нам максимальное разнообразие сюжетных хитросплетений, вследствие чего довольно сложно произвести процедуру теологического очищения сюжета и выделить основные понятия, отождествляемые с явлениями и персонажами мифов. Семантическая унификация космогоний в духе античной рационализации, к которой мы прибегли в предыдущих случаях, здесь осложняется диалектичностью греческих мифов, но в то же время из-за этнокультурной близости к греческой натурфилософии прослеживается определенная к последней общность.

Основной лейтмотив греческой космогонической фабулы: все произошло из пустого пространства (Хаоса) благодаря имманентному активному плюралистическому началу природы (Эросу).

Началом мира было пустое, бесформенное, безжизненное пространство. В пустоте самопроизвольно активизировалась некая имманентная плюралистическая потенция, благодаря которой из единства первородной материи стали возникать вещи и разделяться, проявляя свою двойственную диалектическую сущность мужского и женского начал. В первую очередь активированная протоматерия породила Землю, затем атмосферу (небо и эфир), тьму и свет – циклические процессы смены дня и ночи. На этом первичном этапе главная роль в сотворении мира полностью переходит к Земле, и вследствие активизации ее внутренних

и внешних процессов возникают океан, моря, реки, стабилизируются ось вращения Земли и полюса, возникают (становятся видимыми?) небесные светила и их движение приходит в определенный порядок, устанавливаются границы течения времени.

Первыми существами, появившимися на Земле, были исполинские однополые, частично антропоморфные великаны. Они не олицетворяли какие-либо конкретные силы природы, не имели пар, не могли размножаться и вскоре, видимо, выродились. Возможно, важную роль в их исчезновении сыграла неподходящая им атмосфера (атмосферное давление?), так как они были низвергнуты под Землю (в Тартар) своим отцом небосводом (Ураном). На Земле наступает длительный период стагнации, (время-Кронос пожирает своих детей, не давая им развиваться).

Жизнь зарождается, но развитию форм жизни на Земле препятствуют некие негативные физические факторы, возможно, холод (один из ледниковых периодов), неблагоприятные состав и плотность атмосферы, слишком высокое атмосферное давление и т.д. Этот этап заканчивается с наступлением эры огня – первого катастрофического переходного периода в формировании нового облика Земли. Внутренние термальные процессы на определенном этапе активизировали вулканическую деятельность, вырвавшуюся на поверхность (Зевс вырос в пещере, затем стал богом грома и молнии). Горячие газы, огонь, пепел, испарения, поднимаясь к небу, изменяли характер атмосферных процессов, состав атмосферы, ее плотность, скорость атмосферного обмена и потоков. Возросла электрическая активность в формирующихся слоях новой атмосферы. Вулканические извержения, водные испарения затянули небо грозowymi облаками, в атмосфере образовались электрические поля, и столкновения электрически заряженных потоков провоцируют постоянные разряды молний. Во время этой «титаномахии» на Земле вновь появляются существа-гиганты. Постоянно меняются рельеф и очертания частей земной поверхности. В этот период начинают формироваться погодные сезоны, устанавливается порядок времен года, начинается распространение растительной и животной жизни.

Вслед за временной стабилизацией последовал второй период катастрофических изменений облика Земли. Материковая часть сотрясалась от вулканической активности, по всей ее поверхности образовались огромные разломы, из которых к небу поднимались ядовитые испарения, дым и пепел. Атмосфера была отравлена и затемнена, Земля погрузилась во мрак. В этот период появляются гигантские рептилоидные существа,

и, вероятно, к концу «гигантомахии» или раньше появляются первые люди. Земля тогда постоянно содрогалась и возгоралась, закипали от жара реки и моря.

Вулканическая активность чуть было не погубила все живое, но новая атмосфера все же очистилась. Благодаря электрической активности в ее слоях многочисленные грозы и проливные дожди очистили небо-свод от последствий катастрофы. В этих новых условиях стихийные процессы в атмосфере каким-то образом способствовали выживанию человеческого рода, но оказались губительными для гигантских рептилоидных существ. После многочисленных разломов и передвижения земной коры в большом количестве образовались новые острова, существенно изменились очертания материковой части Земли. На этом этапе сотворение мира в целом заканчивается, и, несмотря на постоянные «возмущения» Земли, ее облик уже более не подвергался радикальным изменениям.

Какие специфические особенности греческих космогоний привлекают внимание прежде всего? В многочисленных пересказах греческих мифов о сотворении мира обычно говорится, что первыми возникшими существами были Хаос, Гея, Тартар и Эрос. Например, В.Н. Ярхо во вступительной статье к трудам Гесиода пишет: «Сами собой родились Хаос, Земля, Эрос, и только постепенно изначальные стихии становятся подобными человеку, приобретая способность производить потомство» [11]. Этот вывод делается в основном по следующим строкам из Гесиода:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился, а следом
Широкогрудая Гея, всеобщий приют безопасный,
Сумрачный Тартар, в земных залегающий недрах глубоких,
И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает» [12].

То есть получается, что Гея с Тартаром внутри родилась одновременно с Эросом, но после Хаоса. Такая трактовка выглядит не вполне логичной, хотя и соответствует порядку перечисления рождений у Гесиода. Но ведь Гесиод был поэтом-рапсодом, а не ученым-логиком и вполне мог составлять тексты своих космогонических песнопений, следуя вдохновению, в поисках благозвучия стихосложения. Несмотря на то что Эрос в перечислении у Гесиода упоминается последним, по логике сказания он должен был возникнуть чуть раньше Геи и Тартара.

Рождение неба (Урана) приписывается Гее, но логичнее предположить, что Уран возник под действием Эроса, который дал Земле импульс к разделению, а Тартар – это глубинное чрево Земли, из которого выделился Уран.

Именно Эрос является источником выделения из изначально бесформенной материи мужского и женского начал. У самого Гесиода обозначена идея о том, что изначально сотворение мира происходит только благодаря разделению пассивной и бесформенной протоматерии на созидательные сущности по гендерному принципу, а инициатор этого процесса – Эрос, «божество космического порядка, организующее мир прочих богов» [13]. Поэтому Эроса, пожалуй, следует воспринимать как некую имманентную потенцию, присущую материи в качестве ее неотъемлемого свойства, по каким-то причинам до поры до времени дремавшую, но вдруг самопроизвольно активировавшуюся и начавшую творить мир, прежде всего выделив из хаоса мужское и женское начала.

Таких имманентных свойств, присущих материи, может быть множество, но нам они не явлены, так как не активированы. Гендерное же разделение более чем просто очевидно, оно главный источник жизни. Этот сущностный, но не единственный биологический принцип размножения греки экстраполировали на все явления живой и неживой природы, наделив его исключительными созидательными полномочиями. Весь мир у греков подчинен этому «закону бинарности», и сущности, не наделенные ярко выраженными свойствами мужского или женского начал, обречены на вымирание или как минимум на деградацию. Таким образом, Эроса в греческой мифологии можно считать тем первоотличком, перманентной причиной возникновения и существования мира, поиск которой составляет одну из главных задач философии со времен Античности.

Однако факт наличия мужского или женского начала не обещает спокойствия и благоденствия его обладателю, так как обрекает его на перманентный диалектический процесс стремления к слиянию и борьбе, где борьбе отводится основная роль. Мир греков творится в страшных муках, но и после его сотворения противостояние не ослабеваает. В представлении греков, борьба мужского и женского начал способствует продолжению жизни, возможно, даже в большей мере, нежели процесс их слияния. Но Эроса нельзя все же отождествлять только с любовью и борьбой в диалектическом смысле или с плотскими инстинктами в житейском понимании. Он скорее равнодушен к миру, а упорядочить движение материи доступными ему средствами – для него просто работа. Возможно, именно Эрос более других

мифологических персонажей близок к образу истинного демиурга, хотя он почти лишен властных амбиций.

В греческом пантеоне Зевс является верховным богом, олицетворяя небесный огонь, гром, молнии, и как раз он-то и наделен властными амбициями в полной мере. Но Зевс отождествляется с огнем исключительно небесным, связанным со стихией воздуха. Строго говоря, он не соответствует полностью стихиям огня или воздуха, а ближе всего к энергетическому потенциалу атмосферы, электрическим процессам в ней. Более всего Зевс соответствует такой сложной стихии, как атмосферное электричество, в формировании которой задействованы все стихии: земля, огонь, вода и воздух.

Зевс, как следует из мифа, вырос и возмужал в глубокой пещере в земле. Гея укрывала его в своем чреве, пока он не обрел силу. На пути к власти Зевс победил не только всех титанов, но и саму Гею. Земле определено «не нравилось» победоносное восхождение Зевса, и ее возмущение выражалось в интенсивной вулканической активности. Таким образом, огонь земли, вырываясь наружу, испарял влагу, превращая ее в пар, она поднималась к небу, где вследствие столкновения воздушных потоков из испарений формировались новые электризованные слои атмосферы. Образование грозových облаков вызвало длительные осадки, которые постепенно очищали атмосферу от вулканического пепла, возвращая его земле в виде верхнего плодородного слоя.

Атмосферное электричество, возможно, сыграло важнейшую роль в зарождении жизни на Земле, при всем сопротивлении Земли именно благодаря этой «борьбе» возник атмосферный «щит». Пока Земля продолжает свое сопротивление, жизнь продолжается, но что будет, если борьба исчерпает себя? Вероятно, тогда, в представлении древних греков, жизнь окажется под угрозой.

Диалектичность древнегреческих мифов очевидна. Отдельные стихии сами по себе не играют какой-либо решающей роли в сотворении мира, за исключением разве что стихии земли. Стихию воздуха олицетворяют такие малозначительные персонажи, как Эфир, Эол, стихию огня – Гефест. Стихия воды представлена более значительными, но все же не ключевыми фигурами, – это Океан, Понт, Посейдон, Тетифиды. Функции демиурга просматриваются в действиях Геи, Зевса и Эроса.

Гея-земля в сюжетах греческой космогонии является провокатором всех бедствий и прародительницей всей жизни. Подстрекая своих детей к конфликтам, она впоследствии оказывается в положении наиболее пострадавшей стороны, что подталкивает ее к новым провокациям. Но при

всей активности ее возмущений роль Земли – страдательная и пассивная. Она, конечно же, в представлении греков отождествлялась с комплексом качеств, присущих исключительно женскому началу.

Стихия огня возникает по сюжету космогонии в последнюю очередь, но в итоге вся власть приписывается ей. Хотя, как было отмечено выше, строго говоря, Зевса нельзя считать богом огня. Он объединяет в себе сущностные признаки трех стихий: в большей мере – стихий огня и воздуха, в меньшей – воды. Все они противостоят породившей их стихии земли, будучи ее частью. Этот диалектический конфликт – причина продолжения жизни на Земле. При всей своей многогранности Зевс олицетворяет активное мужское начало, являя собой образ животворящего «небесного огня», оплодотворяющего природу.

Итак, в греческой мифологии сотворение мира и его существование – следствие единства и борьбы двух начал. Победа или поражение каждого из них не окончательны, и нерушимость власти Зевса под вопросом, пока Гея продолжает оказывать сопротивление. Только один из персонажей греческой космогонии не участвует в этой борьбе, занимая позицию «над схваткой». Это Эрос, и ни Гея, ни Зевс ему не соперники. Они в его власти, а не наоборот, и Эрос – истинный источник и первопричина сотворения мира. Однако не стоит воспринимать это независимое первоначало в романтическом духе. Эрос равнодушен к бедам богов и людей, не ведает добра и зла. Его задача – перманентно активизировать движение материи, в любой форме ее проявления – разрушительной или созидательной, однако во всех остальных «делах мира» он проявляет полную безучастность.

Таким образом, в космогонии Древней Греции мы наблюдаем проблему с разделением власти демиурга. Эрос, на первый взгляд, истинный демиург, но лишь как первичный импульс, вызвавший «жизнь к жизни», как постоянная действующая сила, которой не могут противостоять ни люди, ни стихии. Зевс и Гея в греческой теогонии выступают как непосредственные творцы мироздания, но они не властны над Эросом.

Диалектическая неоднозначность в поисках космогонических доминант только усиливается, если обратиться к творчеству Гомера. Гомер не оставил после себя целостной теогонии, как Гесиод, однако некоторые фрагменты из «Илиады» и «Одиссеи» считаются в науке, как отмечает А.Ф. Лосев, «отражением какой-то (может быть, даже орфической) теогонии... Что это за Океан и что это за Тефия, из которых, по Гомеру, произошло все? У Гомера – это огромная река (§ 1а, б), идущая вокруг всей земли и всего моря, дающая начало всем морям, рекам

и источникам (§ 1с), выпускающая из себя и принимающая в себя все светила (§ 1d–f)» [14]. Таким образом, помимо Хаоса, отождествляемого с неким бесформенным пространством, у нас появляется еще один «претендент на место» первоматерии – Океан, олицетворяющий стихию воды. Ниже приведены строки из «Илиады» Гомера, где Океан указан как первовещество:

Гере державной немедля ответствовал Сон усладитель:
«Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона!
Каждого я из богов, населяющих небо и землю,
Сном одолею легко: усыплю я и самые волны
Древней реки Океана, от коего все родилось» [15].

Даже по поводу материальной основы мироздания мы находим в греческой мифологии плюралистическую вариативность. Можно строить различные версии относительно источников этой вариативности, но при всех разночтениях в мифологиях других народов, как правило, первовещество остается неизменным. У греков плюралистичность мировосприятия, которая в полной мере проявилась в период развития натурфилософии и о которой будет сказано далее, видна уже на начальном этапе формирования представлений о происхождении мира. Гомер в своей трактовке первоматерии, вероятно, ближе к менее абстрактному и более древнему мифологическому источнику.

Относительно разнообразия материальной основы мира [16] в греческой мифологической традиции А.Ф. Лосев отмечает, что «в систематическом плане самой первой и в этом смысле наиболее абстрактной ступенью теокосмогонического процесса является Хаос. О том, что, по этимологии, это – “зияние”, “зияющая бездна” или “зияющее пространство”. Гомер о нем не знает. У Гесиода он – подлинное начало (§ 1а), но у орфиков выше него – Хронос (из которого Эфир и Хаос), а у Гигина (“История”, § 49с) – Туман (Caligo). Овидий (§ 1b) понимает его менее абстрактно – просто как бесформенную материальную массу. Понимали его в античности и как воздушное пространство (§ 3b, с), и как пространство просто (отчасти уже Гесиод – § 3а, но особенно философы – § 2а, b), и как Аид (§ 4а–с), и как вечность (§ 5)» [17].

Нельзя не согласиться, что Хаос – наиболее абстрактное начало мироздания, но в хронологическом плане он вряд ли мог возникнуть раньше гомеровского Океана. Тем не менее за основу анализа греческой космогонии следует взять именно версию Гесиода. Во-первых, только он составил относительно цельное космогоническое произведение «Теоо-

ния» еще до появления первых досократических школ. У Гомера, как и у орфиков, единая космогоническая схема, строго говоря, отсутствует. Во-вторых, трактовка процесса миротворения у Гесиода более оригинальна и опирается на представления о целом ряде неких абстрактных древних начал, что отличает ее от прочих космогонических схем. Для того чтобы выявить источник этой самобытности или ассимилированного заимствования, следует рассмотреть космогонические системы трех связанных цивилизаций – Месопотамии, Египта и Греции в их внутренней и транскультурной эволюции.

Внутренняя эволюция космогонических мифов Месопотамии, Египта и Греции

Внутренняя эволюция космогонических концепций обнаруживается во всех трех рассматриваемых нами древнейших мифологических картинах сотворения мира. Можно проследить общие тенденции внутренних эволюционных процессов, однако причины, по которым формировались и изменялись космогонические представления, не так уж очевидны, как может показаться поначалу. Что касается объективных предпосылок создания и трансформации мифов, то их выявление не представляет сложности, а вот источник формирования субъективных факторов, повлиявших на мифотворчество, принадлежит к области гипотетических построений.

Объективные причины вполне понятны и связаны преимущественно с геофизическими факторами. Климат Междуречья создавал массу проблем для земледельцев. Это засоленность почвы, недостаток дождевой влаги, разрушительные сухие песчаные ветра. Все великие цивилизации древности расцветали на основе оседлого культурного земледелия, и историки связывают упадок Шумерского царства, первого цивилизационного образования Месопотамии, именно с трудностями сельского хозяйства, вызванными засолением почвы, засухой и пустынными ветрами. Эти проблемы преследовали земледельцев Месопотамии на протяжении всего существования цивилизации. В отличие от Нила у Тигра и Евфрата не было постоянных ежегодных периодов разлива, и основу земледелия составляла система ирригационных каналов. Но система каналов была устроена так, что зачастую они не намывали, а наоборот, вымывали плодородный слой почвы, а ветра довершали процесс ее истощения и засоления.

Если мы вновь обратимся к мифологии, то обнаружим определенные параллели между реальными климатическими проблемами для земледелия и сюжетами мифов. Так, изначально праматерь Тиамат, олицетворяющая хаос, – это соленый океан, а выделившийся из нее пресный океан Апсу весь ушел под землю. Здесь можно усмотреть аналогию с губительным для земледелия действием засоления почвы и недостатком пресной воды, которая хотя и имеется, но оказывается труднодоступной.

Мир представлялся жителям Месопотамии преимущественно трехъярусным, где верхний ярус – небо, средний – пространство между небом и землей, в которое входит поверхность земли, и нижний ярус – непосредственно земля и подземный мир. Теперь рассмотрим основную триаду богов, имеющих отношение к сотворению мира. Ану, бог неба, более всего равнодушен к нуждам людей и не посылает им достаточного количества дождей. Энлиль, господствующий в среднем ярусе (между небом и землей), несмотря на свой верховный статус в триаде, настроен к людям наиболее агрессивно и намеренно насыляет на них бури и иссушающие ветра, выветривает плодородные слои почвы и периодически губит урожаи. Только Эа, бог подземного мира и хозяин пресных вод, дружелюбен по отношению к людям, но его властный статус в этой триаде, пожалуй, наиболее незначителен, а потому проблем у земледельцев Месопотамии было гораздо больше, чем способов их решения.

На протяжении истории древней Месопотамии внутренняя эволюция космогонии прослеживается более всего в поведении Энлиля-Мардука. Ану и Эа – небо и подземный мир демонстрируют относительную стабильность, в то время как Энлиль постоянно сменяет гнев на милость, но все же «сумма гнева» превышает «объем милостей». Если изложить эволюцию сюжета этой древнейшей мифологии языком понятий современной науки, то конструкция сюжета древней космогонии мало чем отличается от картины возникновения и развития первых земледельческих цивилизаций в Междуречье, которую нам описывают историки, за тем исключением, что в мифологии под всем миром подразумевался лишь один географический регион. Как вполне справедливо отмечено историками, «мифологический в целом характер мышления первобытного человека допускал возможность вполне здравых обобщений там, где его коллективного опыта хватало для усмотрения действительных причин явлений и проверки истинности умозаключений» [18].

Эволюция космогонических представлений происходила и по другим причинам, к которым прежде всего следует отнести социальные факторы. На территории древней Месопотамии в течение нескольких тысячелетий существовала единая цивилизация, несмотря на многочисленные смены этнических формаций, составлявших ее основу. В социально-политической жизни в разные периоды истории Месопотамии доминировали представители совершенно различных этнических групп, являвшиеся носителями несхожих языков и традиций: шумеры, аккадцы, эламиты, амореи, хетты, касситы, митанийцы, хурриты, ассирийцы, парфяне, персы, македонцы. Все эти этнические группы имели свою собственную, в той или иной мере развитую культуру, свой язык, а часто и свою письменность. Насколько можно судить по данным исследований исторической науки, перечисленные народности, в разное время доминировавшие на территории Месопотамии, обладали своими сформированными системами ценностей, освященными религиозными традициями.

Этническая принадлежность шумеров до сих пор не установлена и является предметом научных споров. Аккадцы, пришедшие им на смену, были семитами, как и амореи. К семитской языковой макросемье принадлежали также ассирийцы, а парфяне и персы входили в иранскую группу индоевропейской семьи языков. Язык хеттов относится к анатолийской группе индоевропейской семьи языков, но относительно эламитов, касситов, хурритов, митанийцев нет единого мнения. Касситский и митанийский языки гипотетически относят к арийской ветви индоевропейских языков. Эламский и хурритский связывают с арийскими, кавказскими, алтайскими, дравидскими языковыми группами [19].

Все эти народы были потомками племен кочевников и земледельцев, жителей гор и пустынь, принадлежавших к разным этногенезам и исповедовавших различные религии, что неизбежно формировало их самобытные культурные традиции. И тем не менее о специфике этих уникальных культур мы можем судить только через призму степени их ассимиляции в шумерской культуре, о которой, в свою очередь, нам не так уж много известно. Парадоксальность исторической ситуации состоит в том, что став культурным эталоном для многих «народов-наследников», шумеры продолжают оставаться загадкой для истории. Нет однозначного ответа на вопрос, почему у столь различных этносов в разное время сформировался культ поклонения чуждой культуре и языку шумеров. Во всяком случае, ка-

кие-либо материальные следы сверхвеличия шумерской цивилизации до нас не дошли, и признание превосходства культуры Шумера чуждыми ей народностями – не вполне понятный факт. Образно выражаясь, шумерская культура – как очень крупная, но мертвая планета, которая затянула в свое поле притяжения малые «живые» планеты, превратив их в свои спутники.

Этот субъективный фактор оказал влияние на эволюцию космогонических представлений, но влияние скорее не сущностное, а формальное. Основная сюжетная линия изначально шумерской космогонии с течением веков дополнялась новыми, дублирующими именами богов (при сохранении прежних) и малосущественными сюжетными деталями. Однако следуя некому мультиэтническому традиционализму как специфическому культу поклонения мудрости древних шумеров, очередные завоеватели Месопотамии подчиняли свою культуру мертвому шумерскому культурному наследию, судя по всему, не внося сколько-нибудь важных изменений в конструкцию древнего космогонического мифа. Проблема заключается в том, что судить об этих процессах мы можем только по опосредованным источникам шумерских «наследников», так как непосредственных материальных первоисточников, повествующих о шумерской космогонии, в распоряжении историков не имеется.

Примечания

1. См.: *Гесиод*. Полное собрание текстов / Пер. В.В. Вересаева, О.П. Цыбенко; вступ. ст. В.Н. Ярхо. – М.: Лабиринт, 2001.
2. *Гесиод*. Теогония: 50–80 // *Гесиод*. Полное собрание текстов.
3. Там же. – 560–591.
4. *Гесиод*. Труды и дни: 80–190 // *Гесиод*. Полное собрание текстов.
5. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976. – С. 198
6. Там же. – С. 192/
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. 1. Ранняя классика. – М., 1994. – С. 156.
8. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. – М.: Прогресс, 1992. – С. 88.
9. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. 1. Ранняя классика. – С. 154.
10. Иллюстрация заимствована из работы: *Дитмар А.Б.* Рубежи Ойкумены. – М: Мысль, 1973. – С. 14.
11. *Ярхо В.Н.* [Вступительная статья] // *Гесиод*. Полное собрание текстов. – С. 9.
12. *Гесиод*. Теогония: 117–122 // *Гесиод*. Полное собрание текстов.
13. *Гесиод*. Полное собрание текстов. – С. 216.
14. *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – С. 684.
15. *Гомер*. Илиада. XIV – 245 // *Гомер*. Илиада. Одиссея. – М., 1967. – С. 243.

16. Древние мифологические концепции сотворения мира по своей сути абсолютно материалистичны и лишены внутреннего конфликта «материального и идеального», вопрос о котором впервые был поднят, вероятно, только в сократический период.

17. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. – С. 740.

18. *История Востока*: В 6 т. – Т. 1: Восток в древности / М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. – С. 43.

19. См.: Дьяконов И.М. Языки древней передней Азии. – М.: Наука, 1967.

Дата поступления 26.07.2013 г.

Институт философии и права

СО РАН, г. Новосибирск

proton551@yandex.ru

Litovka, I.I. The evolution of ancient cosmogonies: a trial to analyze rational basis of Mesopotamian, Egyptian and Greek cosmogonical myths and their substantial transference – II

The paper deals with revelation and study of rational basis in the content of ancient cosmogonical myths of Mesopotamia, Egypt and Greece. The purpose is to retrace correlation of conceptions of the origin of the Universe and their change in comparison with views of the earliest antique natural philosophers (Presocratics). The analysis is carried out by semantic unification of main concepts in the spirit of more rational Greek philosophy. It makes possible to reveal a substantial structure of knowledge as well as to find and compare signs of transcultural evolution of ancient cosmogonies.

Keywords: cosmogony, mythology, natural philosophy, Mesopotamia, Egypt, Greece, rational content